

ПОЛИЩУК К. Л. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОЛИЩУК Клим Лаврентьевич, родился в 1891 в местечке Краснополь Житомирского уезда Волынской губ. Учился в Психоневрологическом институте в Петрограде и на историко-филологическом факультете Украинского университета во Львове. Литератор, редактор Госиздата Украины. По политическим убеждениям — эсер. 4 ноября 1929 — арестован в Харькове, 2 января 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Северный лагерь (на станцию Пинюг). В декабре переведен в Карлаг (Акмолинск), работал там в совхозе "Гигант". В феврале 1932 — обратился из Карлага к Екатерине Павловне Пешковой с просьбой о помощи.

<8 февраля 1932>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Получил Ваше сообщение о том, что как мое ходатайство, так и письмо к М. Горькому направлены по назначению, за что выражаю Вам этим свою искреннюю, глубокую благодарность. Это, если и не обнадежило меня, то, по крайней мере, немного успокоило хотя бы уже только тем, что "дело движется, не стоит на месте". Ах, как я здесь измучился! И измучился я не столько от режима, сколько от окружающей обстановки, в которой (нужно сказать правду) немало "бывшего", так болезненно изображенного когда-то Леонидом Андреевым в разных "безднах"... Ходят, ноют, клеветничают, ябедничают... Я же далек от всего этого, как далек стал теперь от того, что представлялось мне раньше "сознательным крестьянином, любящим волю и землю свою"... Прекрасно изучил тип кулака, как и тип "совбура", которые (с типажной стороны) так и просятся под перо. К сожалению, жизненные обстоятельства не позволяют заниматься этим. Изучаю историю, быт, жизнь и литературу казаков. Решил написать повесть, наметил точно план (даже название — "Джанар"), но до сих пор с трудом написал две главы. Работаю в КВИ, как секретарь лагерной газеты, которая начинает здесь издаваться. Жажда свободного труда превратила меня в "мощи". Тоска и вечное беспокойство о жене и двух дочечках — невероятны. Но героически терплю, ибо думаю, что Сов<етская> власть все же таки смягчится и поймет, что нельзя наказывать свыше сил за одни лишь ошибки, тем более, что я их уже достаточно искупил и жажду совершенно исправить их своим дальнейшим лит<ературным> трудом. Могу ли я переслать через Вас в печать свои готовые лит<ературные> вещи? Это будут авторские переводы с украинского. Я весьма сжат и стиснут материально...

Еще раз благодарю Вас за Вашу помощь мне, чего никогда не забуду. Искренно уважающий Вас Клим Полищук
8 февраля 1932 года»².

В марте 1935 — Клим Лаврентьевич Полищук вновь просит помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«20/III-35 г<ода>, с<ело> Долинское, Казахстан.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Извините, очень прошу Вас, за беспокойство, которое доставляю Вам этим своим письмом. В прошлом, года 2-3 тому назад, я весьма часто

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 444. С. 52; Д. 451. С. 62-69, 72, 74-78; Д. 632. С. 107-121.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 809. С. 55. Автограф.

обращался к Вам с просьбами о содействии моим ходатайствам о смягчении моей участи, но, видя всю безрезультатность этих ходатайств, перестал беспокоить Вас. Не буду беспокоить Вас и на этот раз, хотя именно теперь я жду большего, чем раньше. Еще осенью (в октябре м<еся>це) я получил сообщение из Киева от ВУ ЦИК'а, что оттуда выслано мое ходатайство "о помиловании" в ЦИК СССР в Москву. Ответа до сих пор не имею, но, правду говоря, выстрадав столько лет (оканчиваю 6-й год из десяти), не считаю нужным более унижаться. — Ведь чувство невиновности и так не дает покоя, постоянно напоминая о том, что просил "помилования" неизвестно за какие преступления. Любовь к моей родине — это единственное, что было поставлено мне в вину мою.

Так вот, работаю я... Работаю не за страх, а за совесть, — как говорят. Редактировал 2½ года лагерную газету, там же писал статьи, фельетоны. Измучил себя этой работой до крайности, т<ак> к<ак> работа носит особый специфический характер. В последнее время (около года) работаю в качестве скромного статистика в одном из снабженческих подразделений лагеря. Работаю, беспокоюсь о жене и ребенке, все еще терпящих крайние лишения (ребенок на почве недоедания болеет туберкулезом костей), тоскою изнываю, мечтаю о своем свободном литературном труде, и увядаю физически в полном смысле этого слова, т<ак> к<ак> сердце в последнее время начало весьма упорно капризничать. Сказано — порок... Кроме всего этого — дичаю... Дичаю от одиночества, которое испытываю среди человеческого концлагеря, дичаю от отсутствия литературных изданий, которых тут днем с фонарем не сыскать... Есть такая "Литературная газета", есть такой журнал "Литературное наследство", "За рубежом" и т<ак> д<алее>, но в течение года мне два раза удалось почитать "Лит<ературную> газету". Словом — я дичаю!.. Агроном свое имеет. Ветеринар — тоже. Я же, как писатель, должен вариться в собственном соку, ничего не приобретая, ничем не освежая себя. "Крестьяне" Бальзака, например, я уже прочел 5 раз... Библиотека — это все "политграмота", до жути однообразная, томящая... Маркса и Ленина полное собрание сочинений все же таки не достать... А я бы читал Плеханова о искусстве...

Сам писать не решаюсь много. Намечаю, замечаю, планирую, конспектирую и откладываю все на будущее, а будущее — это когда, наконец, буду свободным. Последнее, независимо от ходатайств, должно быть "скоро", быть может, еще будущей осенью. Работаю я ударно и зачеты рабочих дней тоже получаю по-ударному. Однако, моральное (психическое) состояние мое очень печальное. Дело в том, что за время своего пребывания в лагере я совершенно обносился и в настоящее время не имею даже во что одеться, чтобы иметь приличный вид, а "вид" этот обязателен для того, чтобы, выйдя из лагеря, можно было войти в мир и начать трудиться. Никогда еще в жизни своей не чувствовал себя так скверно, как в настоящее время в казенном бушлате. Мне нужна, какая-нибудь своя "одежонка". "Одежонку" эту (пиджачную пару, пальто, пару приличного белья, ботинки) я мог бы купить здесь, кабы иметь хотя бы 150 рублей, но вся беда в том, что эта сумма (в прошлом гонорар за обычную журналистскую статью-фельетон) теперь кажется мне весьма большой, т<ак> к<ак> достать ее неоткуда.

Я хочу просить Вас, если Вы можете, выслать мне упомянутую "одежонку" или сумму на приобретение таковой с тем, чтобы я по выходе из лагеря в течение первых трех месяцев возвратил ее в "Помощь политзаключенным", то не откажите мне в этом. Возвращу в будущем с большой благодарностью, т<ак> к<ак> это даст мне возможность принять свой "натуральный вид", что меня крайне удручает. Кстати, я разбил очки и не имею возможности приобрести новые, а это тоже сказывается на

состоянии. Если будет возможность, то не откажите снабдить меня хоть немного литературой того рода, о которой говорил выше, особенно "Литературным наследством" и, если можете, не откажите мне выслать "Литературную энциклопедию", которая выходила под редакцией Луначарского. Можно ее достать или это "unikum"?

Еще раз прошу извинения за это письмо. Надеюсь, что Вы меня поймете правильно и не откажете хоть этим скрасить немного мое подневольное существование, которое чем далее, тем тяжелее морально...

Искренно уважающий Вас Клим Полищук.

P.S. Адресуйте: Казахстан, г<ород> Караганда той же области, с<ело> Долинское, 1-е Долинское отделение Карлага НКВД, часть снабжения Климу Полищuku»³.

В 1936 — Клим Лаврентьевич Полищук был переведен в Соловецкий лагерь особого назначения. Осенью 1937 — переведен на тюремный режим, 9 октября приговорен к ВМН и 3 ноября расстрелян в урочище Сандормох⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1347. С. 64. Автограф.

⁴ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.